

ДЖЕЙМС БАЛЛАРД

ВЫСОТКА

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44
Б20

Серия «Эксклюзивная классика»

James Graham Ballard

HIGH-RISE

Перевод с английского *Алексея Андреева*

Серийное оформление *Е. Ферез*

Компьютерный дизайн *А. Чаругиной*

Печатается с разрешения J.G. Ballard Estate Ltd.
и литературного агентства The Wylie Agency (UK) Ltd.

Баллард, Джеймс.

Б20 Высотка / Джеймс Баллард ; [пер. с англ. А. Андреева]. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 224 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-100417-0

Сорок этажей, тысяча квартир, две тысячи жильцов — это и есть высотка, одна из пяти запланированных в новом жилом комплексе в Лондоне. Полная самообеспеченность, включая торговый центр, салон-парикмахерскую, два плавательных бассейна, спортивный зал и начальную школу для детей, — несомненно, это образец будущего, новая социальная структура, дивный новый мир...

Вот только начинается что-то неладное — с электричеством, с лифтами, с мусоропроводом... Кто виноват? Виноваты другие — те, кто сверху, те, кто снизу. Что делать? Не давать спуску! И вот жильцы, обеспеченные, состоявшиеся профессионалы, вопреки всем ожиданиям, вопреки здравому смыслу, втягиваются в склоки — в стычки — в войну. Войну, ограниченную пределами одного дома — никто во внешнем мире не догадывается, что происходит в стенах высотки...

Что же получилось — новый мир или старые грабли? Что построил архитектор: фантастический зоопарк или дикие джунгли?..»

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

© James Graham Ballard, 1975

Школа перевода В. Баканова, 2016

ISBN 978-5-17-100417-0 © Издание на русском языке AST Publishers, 2018

1. Критическая масса

Сидя на балконе и дожевывая кусок собаки, доктор Роберт Лэйнг размышлял о необычных событиях, происходивших в громадном многоквартирном доме в последние три месяца. Сейчас, когда все вернулось в нормальное русло, Лэйнг с удивлением понимал: трудно сказать, где именно их жизнь повернула в зловещем направлении. Сорок этажей и тысяча квартир, супермаркет и плавательные бассейны, банк и начальная школа — вся застрявшая посреди неба высотка предоставляла чересчур много возможностей для насилия и противостояния. Но уж свою собственную квартиру-студию на 25-м этаже Лэйнг ни за что не мог бы представить в качестве первого поля боя. Эту непомерно дорогую клетушку, втиснутую в отвесный склон многоквартирного дома, Лэйнг купил после развода именно ради спокойствия и тишины. Довольно любопытно, что, вопреки всем попыткам Лэйнга отгородиться от двух тысяч соседей, от банальных разговоров и недобольства — от всей этой общественной жизни, — первое значительное событие случилось именно

на его балконе, где он сейчас сидел у костра из телефонных справочников и закусывал жареной задней ногой немецкой овчарки — перед тем, как отправиться на лекцию в медицинский институт.

Три месяца назад, примерно в одиннадцать утра в субботу, доктор Лэйнг готовил завтрак и вдруг вздрогнул от взрыва на балконе. Бутылка игристого вина, прилетевшая сверху, отскочила от навеса и взорвалась на плиточном полу балкона.

Ковер в гостиной покрылся пеной и битым стеклом. Лэйнг стоял босиком среди осколков, наблюдая, как пузырится вино на треснувших плитках. Высоко над головой, на 31-м этаже, гремела вечеринка. Доносились чересчур оживленные речи и рев магнитофона. Видимо, бутылку смахнул с перил балкона кто-то из возбужденных гостей. Нужно ли говорить, что никого на вечеринке ни в малейшей степени не трогала судьба запущенной ракеты; жителей высотки вообще не интересовали соседи дальше чем на два этажа вниз.

Решив определить, что это за квартира, Лэйнг прошел по разливавшемуся озеру холодной пены, перегнулся через перила и стал смотреть вверх, на фасад здания, старательно отсчитывая этажи. Впрочем, как всегда, от размеров сорокаэтажной громадины закружилась голова. Опустив глаза,

Лэйнг уцепился за дверной косяк. Непомерный объем открытого пространства, отделяющего дом от соседней высотки, выводил его из равновесия. Порой ему казалось, что он живет в кабинке колеса обозрения, зависшей в трехстах футах над землей.

И все же Лэйнгу нравился дом — один из пяти одинаковых корпусов жилого комплекса, который был достроен и заселен первым. Все пять высоток находились на площадке в квадратную милю — на бывшей территории дока и складов на северном берегу реки. Пять высоток стояли на восточном краю комплекса, над декоративным озером — пока это был пустой бетонный бассейн в окружении стоянок и строительного оборудования. На противоположном берегу находился только что достроенный концертный зал, а с двух его сторон — медицинский институт Лэйнга и новая телестудия. Громадные сооружения из бетона и стекла и само их расположение на излучине реки отделяли новый жилой комплекс от ветхих районов вокруг — доживающих свои дни однообразных домов девятнадцатого века и пустых фабрик, предназначенных для реконструкции.

При всей близости Сити, офисные здания центрального Лондона принадлежали уже другому миру — и во времени, и в пространстве. Зеркальные стены и антенны связи терялись в ав-

томобильном смоге. Полгода назад, бросив дом в Челси и переехав в надежную высотку, Лэйнг перенесся на пятьдесят лет вперед — прочь от запруженных улиц, автомобильных пробок, поездок на метро в час пик к студентам и к тесному общему кабинету в старой учебной клинике.

Здесь измерениями его жизни стали пространство, свет и по-своему приятная анонимность. Он добирался до института за пять минут; за исключением этой единственной поездки жизнь Лэйнга в высотке была самодостаточной, как само здание. По сути, многоквартирная башня была маленьким вертикальным городом, с двумя тысячами обитателей, заключенных в небо. Жители совместно владели домом и решали все вопросы сами через управляющего и его команду.

Громадное здание предоставляло впечатляющий спектр услуг. Весь 10-й этаж был отдан под большой вестибюль — просторный, словно палуба авианосца. Здесь располагались супермаркет, банк и парикмахерский салон, плавательный бассейн и спортзал, винный магазин с богатым ассортиментом и начальная школа. Высоко над Лэйнгом, на 35-м этаже, размещались второй, небольшой, бассейн, сауна и ресторан. Довольный набором удобств, Лэйнг все реже и реже покидал здание. Он распаковал аудиотеку и втягивался в новую жизнь, сидя на балконе и разгля-

дывая автостоянку. Хотя квартира располагалась всего на 25-м этаже, Лэйнг впервые ощущал, что смотрит на небо сверху вниз. Каждый день башни центрального Лондона словно отодвигались вдаль, и пейзаж покинутой планеты постепенно таял в мозгу. По сравнению со свободными очертаниями концертного зала и телестудии внизу, рваный городской горизонт напоминал дерганую энцефалограмму душевнобольного.

Квартира обошлась недешево; гостиная-студия, спальня, кухня и ванная лепились друг к другу, чтобы сэкономить пространство и избавиться от внутренних коридоров. Своей сестре, Алисе Фробишер, жившей с мужем-издателем в квартире побольше на три этажа ниже, Лэйнг говорил:

— Похоже, профессиональные взгляды архитектора формировались на космической станции. Странно, что стены не круглые...

Поначалу Лэйнгу казался отвратительным пейзаж комплекса — какая-то военная архитектура. После всех треволнений развода меньше всего ему хотелось каждое утро глядеть на бетонные бункеры. Однако уже скоро сестра растолковала ему незамысловатую прелесть жизни в шикарной высотке. На семь лет старше брата, Алиса оценила его нужды в первые месяцы после развода. Она указывала на безукоризненный сервис в здании, на полную приватность.

— Ты как бы один в пустом доме — подумай об этом, Роберт, — говорила она и добавляла без всякой логики: — И здесь полно людей, с которыми тебе стоит познакомиться.

Она упирала на то, что не ускользнуло от внимания Лэйнга во время знакомства с высоткой. Две тысячи обитателей образовывали виртуально однородную коллекцию обеспеченных профессионалов — юристы, врачи, налоговые консультанты, крупные ученые и рекламные менеджеры — наряду с маленькими группами пилотов авиалиний, работников киноиндустрии и стюардесс, проживавших по три на квартиру. По обычным финансовым и образовательным меркам они, вероятно, были ближе друг другу, чем члены любого мыслимого сообщества — по единству вкусов и взглядов, причудей и стилей. Это единство отражалось в автомобилях на стоянках, окружающих высотку, в элегантном, но достаточно единообразном выборе мебели для квартир и деликатесов в секциях супермаркета, в тембре уверенных голосов. Коротко говоря, жители комплекса представляли собой идеальное сообщество, в которое мог бы незаметно влиться Лэйнг. Высотка была гигантской машиной, созданной служить не коллективу владельцев, но отдельному изолированному жильцу. Системы кондиционирования и электроснабжения, лифты, мусоропроводы обеспечивали бесперебойный

поток заботы и внимания, на который в прошлом веке требовалась целая армия неутомимых слуг.

Кроме того, когда Лэйнг получил должность старшего преподавателя на кафедре физиологии в новом медицинском институте, логично было приобрести квартиру поближе к работе. Так ему снова удалось отложить важное решение: бросить преподавание и открыть собственную практику. Но он повторял себе, что все еще ждет настоящих пациентов, — вдруг они найдутся прямо в высотке? Взвесив все доводы, включая цену, Лэйнг подписал договор аренды на девяносто девять лет и въехал в свою квартиру — одну тысячную долю скалы.

Над головой продолжали гулять — шум вечеринки разносился завихрениями ветра вокруг здания. Последние капли вина, блеснув, утекли с балкона. Босой Лэйнг встал на холодные плитки и пальцами ноги содрал этикетку с осколков. Он сразу узнал вино, дорогую подделку под шампанское, которую продавали охлажденной в винном магазине на 10-м этаже.

Это же вино они сами пили вчера вечером на празднике у Алисы — таком же беспорядочном, как и тот, который шумел сейчас над головой. Лэйнг, желавший расслабиться после целого рабочего дня в физиологической лаборатории и положивший глаз на привлекательную гостью,

необъяснимо втянулся в препирательства со своими ближайшими соседями с 25-го этажа — молодым честолюбивым хирургом-ортодонтом по имени Стил и его назойливой женой — модным консультантом. Из пьяной беседы Лэйнг понял только, что ухитрился чем-то обидеть их, и это связано с мусоропроводом. Парочка зажала Лэйнга за стойкой бара, и Стил принялся забрасывать его острыми вопросами — словно пациента, безответственно относящегося к собственным зубам. Худое лицо хирурга-ортодонта — пробор посередине всегда был для Лэйнга признаком сложного характера — придвигалось все ближе; того и гляди воткнет между зубов металлический ретрактор. Поддерживала атаку Стила его упорная, гламурная жена, почему-то рассерженная отстраненностью Лэйнга от важного дела организации жизни в высотке. Ее раздражали пристрастие Лэйнга к коктейлям перед обедом и общее пренебрежение условностями. Она считала, что Лэйнг в свои тридцать лет обязан трудиться по двенадцать часов в день и быть во всех отношениях таким же уважаемым, как ее супруг. Несомненно, она рассматривала Лэйнга своего рода беглецом из медицины, нашедшим тайный подземный ход — в мир безответственности.

Дурацкая перебранка удивила Лэйнга, хотя уже вскоре после переезда в высотку он начал ощущать вокруг себя всеобщую неприязнь друг

к другу. Разговор на вечеринке у Алисы словно шел на двух уровнях — под тонким налетом профессиональной болтовни скрывался толстый слой личных дрызг. Порой Лэйнг чувствовал: люди только и ждут, когда кто-нибудь допустит серьезный просчет.

После завтрака Лэйнг подмел осколки на балконе. Две декоративные плитки треснули. В легком раздражении он подобрал бутылочное горлышко — с фольгой и с проволокой на пробке — и швырнул за перила балкона. Через несколько секунд с автостоянки донесся звон.

Опомнившись, Лэйнг осторожно выглянул за перила — вдруг попал кому-нибудь в лобовое стекло. Впрочем, он тут же вслух рассмеялся и посмотрел вверх — на 31-й этаж. Что за праздник такой в половине двенадцатого утра? Шум тем временем нарастал — гости прибывали. Это вечеринка по ошибке стартовала с утра — или она длится с вчера, а теперь обретает второе дыхание? Внутреннее время высоты, как и ее искусственный психологический климат, подчинялось собственным ритмам, которые задавали алкоголь и бессонница.

На балконе выше и сбоку от квартиры Лэйнга одна из соседок, Шарлотта Мелвилл, ставила на стол поднос с напитками. Поглаживая усталую печень, Лэйнг припомнил, что вчера на

вечеринке у Алисы принял предложение на коктейль. Спасибо Шарлотте, она спасла его от ортодонта, озабоченного мусоропроводом. Лэйнг слишком набрался, чтобы у него что-то вышло с этой миловидной тридцатипятилетней вдовой; он только выяснил, что она копирайтер в небольшом рекламном агентстве. Близость ее квартиры, как и легкость в общении импонировали Лэйнгу, пробуждая странную смесь разврата и романтики — с возрастом он становился одновременно и романтичнее, и циничнее.

Секс — это то, что в избытке могла предоставить высотка. Скучающие жены сидели у бассейнов и в ресторане или гуляли рука об руку по вестибюлю 10-го этажа. Лэйнг наблюдал, как они коротают праздные часы, бросая по сторонам чарующие, но осторожные взгляды. При всем своем цинизме Лэйнг понимал, что после развода находится в опасной зоне: один неосторожный романчик, хоть с Шарлоттой Мелвилл, хоть еще с кем, и он рухнет в очередной брак. В высотку он переселился, чтобы избавиться от отношений — любых. Достаточно было присутствия сестры и воспоминаний о нервной матери — вдове доктора, постепенно сползающей в алкоголизм.

Однако Шарлотта решительно развеяла его страхи. Ее мысли были слишком заняты смертью мужа от лейкемии, благополучием шестилетнего сына и — как призналась она Лэйнгу — бессон-

ницей, обычным недомоганием обитателей высоты, приобретшим характер эпидемии. Все жители, с которыми встречался Лэйнг, узнав, что он врач, рано или поздно сообщали, что плохо спят. На вечеринках бессонницу обсуждали так же, как говорили о других недостатках многоэтажки. Ранним утром две тысячи жильцов накрывал тихий прилив снотворного.

Лэйнг познакомился с Шарлоттой в бассейне на 35-м этаже, где обычно плавал — чтобы побыть одному и чтобы не сталкиваться с детьми, которые пользовались бассейном на 10-м. Приглашение в ресторан Шарлотта охотно приняла, но за столиком сразу сказала:

— Учтите, я только хочу поговорить.

Лэйнгу это понравилось.

Вечером, когда он появился в квартире Шарлотты, там был еще один гость, телевизионный продюсер Ричард Уайлдер. Коренастый, драчливый, бывший профессиональный регбист, Уайлдер жил с женой и двумя сыновьями на 2-м этаже. Шумные вечеринки, которые он устраивал с друзьями низкого пошиба — пилотами авиалиний и стюардессами-соседками, — уже сделали его героем многочисленных пересудов. В определенном смысле свободный график жителей низших уровней отрезал их от верхних соседей. Сестра Лэйнга однажды неосмотрительно шепнула ему,

что где-то в высотке организован бордель. Алису беспокоили таинственные передвижения стюардесс, ведущих активную общественную жизнь, особенно на более высоких этажах; они словно каким-то образом нарушали естественный социальный порядок в здании, его иерархию, целиком основанную на номере этажа. Лэйнг замечал, что и он сам, и его знакомые гораздо спокойнее относятся к шуму или беспорядкам с верхних этажей, чем с нижних. Однако ему нравился Уайлдер, его громкий голос и таранные манеры регбиста. Отношения Уайлдера с Шарлоттой Мелвилл не поддавались анализу. Неудивительно, что его жена, бледная молодая женщина со степенью магистра, писавшая для журналов рецензии на детские книги, всегда выглядела истощенной.

Лэйнг, стоя на балконе, принял бокал у Шарлотты; шум вечеринки наверху звенел в чистом воздухе, словно сами небеса проводили звук. Шарлотта показала на осколок на балконе Лэйнга, ускользнувший от щетки.

— На вас напали? Я слышала, как что-то разбилось.

Потом она повернулась к Уайлдеру, который, развалившись по центру дивана, изучал собственные ноги:

— Это те самые, на 31-м этаже.

— Какие «те самые»? — спросил Лэйнг, решив, что речь идет о каких-то конкретных лю-

дях, о клике сверхагрессивных киноактеров или налоговых консультантов; а может, о кучке алкоголиков.

Шарлотта уклончиво пожала плечами, словно никаких пояснений не требовалось. В ее мозгу, несомненно, пролегла некая демаркационная линия, и она, как и Лэйнг, оценивала человека по этажу его квартиры.

— Кстати, что мы празднуем? — спросил Лэйнг, когда они вернулись в гостиную.

— А вы не в курсе? — Уайлдер показал на стены и потолок. — Фулл хаус — полный дом. Мы достигли критической массы.

— Ричард хочет сказать, что заселили последнюю квартиру, — объяснила Шарлотта. — А нам обещали дармовую вечеринку, когда продадут тысячную квартиру.

— Интересно, сдержат ли обещание... — Уайлдер явно с предубеждением относился к высоте. — Неуловимый Энтони Ройял должен был предоставить выпивку. Вы, кажется, знакомы с ним, проектировщик нашего висячего рая.

— Мы только играем вместе в сквош, — пожал плечами Лэйнг. Уловив вызов в тоне собеседника, он добавил: — Раз в неделю; я его толком и не знаю.

Уайлдер, наклонившись вперед, уперся подбородком в кулаки. Лэйнг уже давно заметил, что продюсер постоянно себя трогает: поглаживает